



# ОТТОР ЖЕНИЕ

**БУДРАЙТИС** никогда не казался пришельцем в кинематографе. Даже тогда, когда его актерская карьера еще не была так тверда и ясна, как сейчас. Третьекурсник баскетбольного роста с юрфака Вильнюсского университета тринадцать лет назад не совсем уверенно перешагнул порог студии и медленно, но плавно стал одолевать роль за ролью. А весь актерский опыт (до дебюта в фильме «Никто не хотел умирать») заключался в единственном появлении на сцене студенческого театра. В роли без слов. Или почти без слов. Сейчас этого уже никто не помнит.

Он сыграл около сорока ролей («Мужское лето», «Чувства», «Щит и меч», «Колония Ланфиер», «Блокада», «Это сладкое слово — свобода», «Жизнь и смерть Фердинанда Люса», «С тобой и без тебя»). Сыграл юнцов, стариков, умных, глупых, расчетливых и наивных. Русских, литовцев, латиноамериканцев, немцев — везде выглядел (и был) убедителен (или, как говорят об актерах, достоверен). Интересен графикой роли и подчас — неожидана. Ну, скажем, как Фелиسو в «Сладком слове» — в небольшой по метражу роли, где Юозас точно, подробно, жестко и изящно дал характер этого падшего неудачника. И ощущение, что этого человека ты уже знал и не любил две вечности.

Постигая азбуку кино (актерскую), Юозас Будрайтис прикапливал интеллектуальный и эмоциональный опыт. И, казалось, его сосредоточенность и нелюбовь к разговорам свидетельствуют о тщательной охраняемой внутренней независимости. Да, я такой актер, многого еще не умею, но могу, но я учусь. Сам учусь. И не торопите меня. Вполне вероятно, что стану действительно актером. Неплохим. И, кажется, никто толком не догадывался, что он еще хочет попробовать себя на подмостках. Ездил в известный театр Паневежис, пробовался к Мильтису, читал ему что-то, оба остались друг другом довольны. Но в театр не пошел. Как он теперь объясняет — испугался кулисы, занавеса, театральных деревьев в кадрах и рисованных каминов. Боялся не одолеть этой условности. (А может,

все-таки живого зрителя!). Потом или чуть позже появилось столь же неумеренное желание стать оператором. На съемках он внимательно и придирчиво следил за манипуляциями человека с кинокамерой, изучая и закрепляя все его движения и жесты с оптикой. В итоге оператором Юозас тоже не стал, но его фотоработы с большим удовольствием печатают многие иллюстрированные издания. А друзья в это время искренне советовали ему заняться сценарным делом: его статьи и очерки печатались в Литве и были охотно читаемы.

**НО** ЧТО же решил Юозас? И что он выбрал? Нельзя сказать, что он поступил «ничтоже сумняшеся», нет. Он много и довольно дотошно советовался со своими друзьями, знакомыми, женой и, конечно же, с Жалакявичюсом, который, по общепринятой версии, считается его «крестным отцом» в кино. В мастерскую к которому он и поступил. Выдержав нервные и трудные экзамены, он стал слушателем мастерской Жалакявичюса Высших режиссерских курсов.

Свои «каникулы» он провел режиссером - стажером на «Кентаврах» Жалакявичюса, где вновь встретился не только с актерами, снимавшимися в «Никто не хотел умирать» — Банионисом, Адомайтисом, Оя, — но и с оператором Павлом Лебешевым. Это давнее знакомство, а состоялось оно еще на «Щите и мече», где один был актером - дебютантом, а другой — ассистентом оператора. Теперь о каждом из них пишут статьи в журналах и курсовые во ВГИКе.

Каникулы благополучно кончались, начался учебный год, концом которого будет диплом, защита, а стало быть — кинокартина! Какой и о чем она будет — этого не знает никто, включая самого Юозаса. Да, хотел бы снять о детстве, о детях. (Сыну Юозаса — Мартину девятый год — и ребенок, и возраст необыкновенно интересны). Недавно Мартин вместе с отцом (или отец вместе с сыном!) снялись у режиссеров Алова и Наумова в фильме «Тиль Уленшпигель». Син играл сына, а отец — адмирала Трелона. Из этого не следует, что отец прочит сыну карьеру киноартиста,

но общение с собственным ребенком на съемочной площадке было настолько необычным, что родившиеся в то время ассоциации заставили всерьез задуматься о проблемах, с которыми сталкивается человек. Человек, который еще смотрит на мир снизу вверх...

Гамлетовский вопрос ему не задавали. («Почему же вы направились в режиссуру?») Юозас, наверное, своими актерскими работами ответил на это. Он переиграл действительно много, пусть не всегда блестяще, и теперь он уже может разве что по «второму кругу» играть все те же пороки и добродетели. Да, он вновь может стать героем из «Колонии Ланфиер». Пусть теперь его будут звать иначе. Может сыграть Федора из ленты «С тобой и без тебя». Разумеется, может. Но ему это кажется неразумной эксплуатацией зрительского внимания и терпения. Хотя роли, которые он сейчас сыграл (Алексей Бартнев в «Подранках», Николай Скоробогатов во «Врагах»), интересны не только с актерской точки зрения, но и с нашей с вами, зрительской. Они колоритны, глубоко, интересны жизненными позициями этих людей. И интеллектуальны, что тоже объясняет крен к режиссуре. Бартнев («Подранки») — ведь «внутрикадровый режиссер», строящий сюжет и отбирающий героев.

**БУДРАЙТИС** и сейчас продолжает сниматься. Играет Арнольда Руге в «Карле Марксе» и небольшую роль в «Бархатном сезоне». Но внутренний поиск, поиск дела, соответствовавшего его внутреннему движению, он ведет уже не здесь. А там — с другой стороны камеры, с места человека вне пределов съемочной площадки, но родившего и создавшего ее, со всеми словами, жестами и поступками, которые совершает актер; с неслышимым движением камеры на тележке, деревянным стуком хлопущи и простым словом: «Мотор!».

Режиссерами, если верить расхожему афоризму, как поэтами, хирургами, поварами («ком еще?») — не становятся, ими рождаются. Через некоторое время мы по конкретному поводу убедимся в истинности (или лукавстве) этих слов.

М. ТРОКУРОВА.